

М. В. Кирчанов

**ВООБРАЖАЯ РУМЫНИЮ ПРОСТРАНСТВЕННО И ТЕЛЕСНО:
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛОКУС» И «НАЦИОНАЛЬНОЕ ТЕЛО»
КАК ИЗОБРЕТАЕМЫЕ ТРАДИЦИИ
РУМЫНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Известно, что понятие «локус» означает «место». В политическом контексте «локус» ассоциируется с территориями и пространствами как на национальном, так и региональном уровне. Примечательно то, что эти территории нередко оказываются в центре националистического воображения, в рамках которого они институционализируются как изобретенные или изобретаемые традиции. Националистическое воображение, о котором идет речь, является текстуализованным и проявляется в различных литературных текстах, которые формируют коллективные представления о тех или иных пространствах и их роли в развитии национальных идентичностей. В этом контексте локусы национальных идентичностей прочно утвердились в различных современных национальных литературах, в которых эти локусы имеют два измерения.

С одной стороны, заметным явлением остается локус идеального воображаемого и изобретаемого отечества в целом, с другой — региональные и локализованные образы некой коллективной большой Родины также сохраняют свою уникальность. В XIX и XX вв., в период активного развития европейских национализмов¹, которые предлагали новые идентичности для создаваемых ими наций, приоритетное значение имело «большое» значение локуса, так как «новые» националисты были, прежде всего, заинтересованы в том, чтобы утвердить локус своего нового, иногда вовсе несуществующего,

¹ О XIX веке как «столетии национализма» см.: *Lawrence P. Naționalismul, istorie și teorie. București, 2006; Mureșan C. Națiune, naționalism. Evoluția naționalităților. Cluj-Napoca, 1996.*

отечества среди других подобных отечеств, которые были институционализированы ранее более успешными националистами.

В этом контексте Хорватия, Латвия, Македония, Украина, Венгрия и другие коллективные пространства были воображены как большие локусы для создаваемых новых наций, а европейская история XIX века — как история национализма. Именно как эпоха национализма вошел в историю XIX век². В XXI в. акценты в формировании и изобретении новых локусов сместились с национального на региональный и локальные уровни, что привело к локализации и регионализации целого ряда национальных идентичностей. При этом локус продолжал оставаться одной из центральных категорий в воображениях различных европейских национализмов, обозначаясь и картируясь в формирующихся национальных самосознаниях как «родина», «отечество», «земля», «страна». Все эти воображаемые и изобретаемые конструкты обозначали воображаемое коллективное «тело» нации, а телесный дискурс проявлялся в одинаковой степени в нарративных и визуальных контекстах.

В XX в. категории «локус» и «тело» изменили свои значения, обретя новые измерения и уровни, став междисциплинарными понятиями. Начиная с 1980-х гг. категория «локус» стала соотноситься с проблемами воображаемости и изобретенности (исследования Эрнеста Геллнера, Бенедикта Андерсона, Эрика Хобсбаума и др.). На протяжении 1990–2010-х гг. корпус текстов, основанных на этой методологии, которая подвергалась определенной критике со стороны примордиалистов, сфокусированных на изучении изобретаемых и воображенных локусов как коллективных традиций в контексте идентичностей, пополнился новыми исследованиями. В румынской историографии были созданы работы³, которые теоретически могут быть отнесены к инвенционнистской парадигме, а их авторы сосредоточили свои усилия на анализе истории румынского национализма и идентичности как воображенных и изобретенных конструктов. В историографии относительно истории Румынии второй половины XIX–XX вв. утвердилась традиция писать ее преимущественно в рамках конструктивистской парадигмы, а национальные сюжеты более ранней истории растворены в позитивистской историографии.

Формирование во второй половине XIX столетия коллективных представлений о румынском национальном пространстве, тенденции его социальной биологизации и уподобления страны телу следует анализировать в более широком, балканском, контексте. XIX–XX столетия вошли в историю Балкан как чрезвычайно пролонгированная эпоха формирования наций, национальных идентичностей и национальных государств. Эти процессы, с одной стороны, протекали динамично, но неравномерно, будучи десинхронизированными с аналогичными процессами в Западной Европе. С другой — балканский контекст развития коллективных представлений о национальном теле отличался периодической актуализацией универсальных принципов насилия. Факты этнических

² О национализме как факторе европейской истории Нового времени (XIX века) существует обширная литература, в том числе и переводы западных историков на румынский язык. См. подробнее: *Tamas G. M. Idola Tribus. Esența morală a sentimentului național. Cluj-Napoca, 2001; Thiess A.-M. Crearea videntităților naționale în Europa. Iași, 2000; Viroli M. Din dragoste de patrie: eseu despre patriotism și naționalism. București, 2002.*

³ *Karnoouh C. Inventarea poporului-națiune. Cronici din România și Europa Orientală 1973–2007. Cluj, 2011.*

чисток, принудительных перемещений населения, насильственной смены этнического и языкового состава населения достаточно хорошо описаны в историографии истории греческого, хорватского, сербского и македонского национализмов.

Теоретики и идеологи всех этих национализмов активно использовали идеи ущемленности национальных прав, культивировали нарративы и коллективные представления о соседях как Других, которые заняли / оккупировали исконные греческие / хорватские / сербские / болгарские / македонские земли. Балканские национализмы в XX в. пережили три волны этнически мотивированного насилия — балканские войны, Вторая мировая война и этнические конфликты 1990-х гг. Факты насилия легитимизировались идеологами национализма, которые, с одной стороны, культивировали коллективные представления о Других, а язык вражды стал универсальной формой политической коммуникации. С другой стороны, идеи национального локуса и тела, как стремящихся к восстановлению единства разъединенных коварными соседями членов, также стали универсальными в балканских национализмах.

Подобные родовые травмы нации и национализма оказали существенное влияние и на развитие румынского национальной идеи в контексте попыток легитимации как независимости румынского локуса, так и расширения символического пространства румынского национального тела.

В центре внимания в настоящей статье оказываются тактики и стратегии румынских интеллектуалов второй половины XIX в. в контексте изобретения и воображения пространственного локуса и коллективного тела Румынии в европейском контексте. Ставится вопрос — как и в рамках каких культурных стратегий и практик конструировался локус Румынии как некоего идеального воображаемого целого? С присущими ему культурными, языковыми, историческими и прочими характеристиками как качествами «телесности», позволяющими отделять и выделять румынский локус среди других национальных конструкторов и проектов Балканского региона?

Механизмы, стратегии и тактики создания и воспроизводства румынского национального локуса в румынской идентичности в XIX в.⁴ были очень разнообразны, но в эти процессы были втянуты преимущественно поэты и историки⁵, которых можно отнести к представителям образованных классов и носителям традиций «высокой культуры». Эта тенденция была общей для истории большинства европейских национализмов⁶ в период новой истории, хотя в историографии⁷ имеют место попытки датировать появление румынской идентичности более ранними этапами (локализуя ее проявления преимущественно в памятниках литературы). Последнее является спорным и дискуссионным,

⁴ О феномене румынской идентичности см.: *Alexandrescu S. Paradoxul Român. București, 1998; Antohi S. Civitas Imaginalis: Istorie și utopie în cultura română. București, 1994; Ralea M. Fenomenul românesc. București, 1997.*

⁵ О роли румынских интеллектуалов в развитии национализма в XIX в. см.: *Lovinescu E. Titu Maiorescu și contemporanii lui: V. Alecsandri, M. Eminescu, A. D. Xenopol. București, 1943.*

⁶ *Pop I.-A. Geneza medievală a națiunilor moderne. București, 1998; Sabourin P. Naționalismele europene. Iași, 1999; Shulze H. Stat și națiune în istoria europeană. Iași, 2003.*

⁷ *Duțu A. Coordonate ale culturii românești în secolul al XVIII-lea. București, 1968; Pompiliu E. Influența franceză asupra spiritului public în România. București, 1982; Iorga N. Istoria literaturii române în sec. al XVIII-lea: Vol. I–II. București, 1969; Piru A. Literatura română veche. București, 1962.*

если анализировать историю румынского национализма в модернистском контексте, и вполне нормальным, если отгалькиваться от примордиалистского подхода. Румынские интеллектуалы XIX в., будучи националистами⁸, доступными им языковыми, художественными и научными средствами формировали румынский локус, воображая его территориально и географически, актуализировали историчность румынского локуса, его преемственность с более ранними формами культурной и политической организации пространства и его причастность к большому романскому миру.

XIX век стал в европейской истории столетием модернизации, но это вовсе не означает того, что румынские националисты не интегрировали унаследованные от Средневековья⁹ общероманские и балканские румынские архаичные реликты (элементы традиционной народной культуры), преобразуя их в новые изобретенные националистические традиции. Венгерская исследовательница Моника Баар, комментируя особенности развития национализма в XIX в. в Центральной Европе, полагает, что его системными особенностями были наличие «иррациональных идей, проблем этничности и национального мессианизма»¹⁰. Эти особенности в полном объеме были характерны и для истории румынского национализма, в особенности — для попыток румынских интеллектуалов изобрести и локализовать румынский национальный локус.

Румынские историки и филологи прилагали значительные усилия для национализации локуса, его румынизации, что было маловероятно без демонтажа старой литературной традиции, основанной на использовании кириллического алфавита. Поэтому первым шагом на пути формирования румынского локуса как одной из форм бытования идентичности стала латинизация алфавита, проведенная в 1860-е гг. Поэты и прочие интеллектуалы, которые не имели формальных академических аффилиаций, были относительно свободны в выборе форм и методов для укоренения представлений о румынском локусе в трансформировавшейся румынской идентичности. В поэтическом дискурсе, который функционировал уже на основе латинской графики, румынский локус нередко конструировался, изобретался и воображался в романтическом контексте.

Румынские поэты, как представители интеллектуального сообщества, обслуживали официальный политический дискурс, который в значительной степени был идентичен формируемому в поэтическом воображении. Как и поэты, историки актуализировали континуитет между различными этапами в истории Румынии и разными поколениями румын начиная от римских колонистов, чем обеспечивали легитимность румынской государственности XIX столетия и ее связь с более ранними политическими формами. В этом отношении румынские поэты и историки в XIX в. формировали не только румынскую идентичность и румынский локус как частную форму коллективных представлений о национальном, но и то, что в 1980-е гг. будет определено как «воображаемые сообщества» и «изобретенные традиции».

⁸ Об интеллектуальной ситуации в Румынии в XIX в. в контексте развития национализма см.: *Andrescu G. Naționalişti, antinaționalişti...: O polemică în publicistica românească. Iași, 1996.*

⁹ *Armstrong J. A. Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982; Geary P. J. Mitul națiunilor: originile medievale ale Europei. Târgoviște, 2007.*

¹⁰ *Baár M. The Intellectual Horizons of Liberal Nationalism in Hungary: The Case of Mihály Horváth (1809–1878) // Nation-Building and contested identities: Romanian and Hungarian Case-Studies. Budapest; Iași, 2001. P. 21.*

Концепт Румынии как национального государства в XIX в. стал местной формой «воображаемого сообщества», а коллективные представления о румынском локусе — изобретенной традицией, которая обслуживала более широкий дискурс румынской формирующейся политической и этнической идентичности.

ВИЗУАЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА КАК ВНЕШНЕЕ ТЕЛО ЛОКУСА

Первым пространством, в рамках которого воображался и изобретался румынский национальный локус, стал румынский язык, который на протяжении нескольких столетий функционировал в окружении славянских языков на основе кириллической графики. Румынские национально и прозападно ориентированные интеллектуалы к началу 1860-х гг. осознали необходимость реформы языка в направлении его сближения с другими родственными романскими языками. Формой этого сближения стала латинизация румынского алфавита, которая привела к условной румынизации только формирующегося национального, воображаемого и изобретаемого, локуса. Латинизация алфавита¹¹ актуализировала ранее неиспользуемые ресурсы, определенные венгерским историком Ласло Контлером как «символические»¹², то есть актуализирующие эмоционально значимые моменты настоящего или прошлого сообщества, которое динамично национализировалось в направлении современной нации.

Латинизация румынского локуса, его отделение от других кириллических контекстов оказалась длительным процессом, в котором, вероятно, следует выделять два этапа, отразившихся в практиках использования и манипуляциях с языком со стороны румынских интеллектуалов. Эти манипуляции, которые со временем стали основой тактик и стратегий национально ориентированного обращения с языком и его националистического освоения, отражены в истории румынской прессы XIX в. Ограничимся в данном случае несколькими примерами. Например, газета «Foaea Duminescii», которая выходила в 1837 г., печаталась с использованием кириллических шрифтов. Другая газета «Foae pentru minte inima shi literatură», которая издавалась на протяжении почти тридцати лет, с 1838 по 1865 г., отразила трансформации тогда еще формирующегося румынского локуса в лингвистическом плане: с 1838 по 1841 г. использовался церковнославянский шрифт, в 1841 г. — гражданский кириллический, с 1854 г. — кириллический с использованием отдельных латинских букв, с 1861 г. — латинский.

«Gazeta de Transilvania», издававшаяся с 1838 по 1852 г., отразила аналогичные тенденции в трансформациях визуальных проявлений румынского локуса, а ее номера начала 1850-х гг. отражали хаотическое состояние в применении и использовании кириллических и латинских шрифтов, хотя во второй половине 1840-х гг., например, в газете «Organulu Luminarei» имели место случаи использования исключительно латинских шрифтов. «România literară», одно из первых изданий, вышедших в Яссах в 1855 г. и фиксировавших румынский (Ромъния / România) компонент в самом названии, издавалось с использованием разных шрифтов. «Vestitorul românesc» (1845–1856),

¹¹ О релатинизации румынского языка см.: *Densușianu O. Istoria limbii române*. București, 1985; *Oprea H. Relatinizarea limbii române: privire generală: accepții, delimitări, aspecte*. București, 2011.

¹² *Kontler L. Searching for Common Grounds: National Identity and Intercultural Research in an East-Central European Context // Nation-Building and contested identities: Romanian and Hungarian Case-Studies / Ed. by Balázs Trencsényi, Dragoș Petrescu*. Budapest; Iași, 2001. P. 10.

фиксирующий «румынскую» (романеск) принадлежность, также отличался значительным разнообразием применяемых шрифтов. Газета «Sionulu Romanescu», которая начала издаваться в 1865 г., использовала уже только латинские шрифты. С 1860-х гг. румынский дискурс функционировал исключительно на румынской графике, а тексты, о которых речь пойдет в последующих разделах статьи, были написаны уже исключительно с применением латиницы.

Анализируя формирование румынского национального локуса, особое внимание следует уделить тем лексическим изменениям, в условиях которых он развивался. Поэтому наряду с визуальными изменениями, связанными с отказом от кириллицы, румынский язык в XIX в., ставший основой функционирования и развития румынского национального локуса, подвергся релатинизации. Формально румынский лингвистический локус более раннего времени был наполнен многочисленными заимствованиями из других языков, а соседство со славянскими языками, одновременное сосуществование с ними на одной территории привело к тому, что в лексический состав румынского языка проникло немало славянизмов, на вытеснение которых были направлены усилия румынских интеллектуалов. Александру Ксенопол в связи с этим указывал на весьма противоречивые результаты их деятельности: «...привычка вставлять французские слова в предложения была настолько сильной, что начало предложения получалось французским, а завершение — румынским... французские слова очень выделялись в предложении... эта смесь языков выглядела очень смешно»¹³.

Поэтому начиная с середины XIX в. румынские националисты поставили в качестве своей задачи фактическую релатинизацию румынского языка и сознательный отказ от славянских заимствований, активно используя новые заимствования из родственных языков, преимущественно — итальянского и французского¹⁴. Слова славянского происхождения, например, *nădejde*, *vreme*, *milostiv*, *războinic*, *slujităr*, *glas* заменяются неологизмами, основанными на латинских корнях — *speranță*, *timp*, *îndurător*, *militar*, *servitor*, *voce*. Кроме вытеснения славянских заимствований и их замены неологизмами с латинскими корнями, в словарный запас формировавшегося румынского языка вошли слова (*gheață om glacies*, *ager om agilis*, *apă om aqua*, *drept om direct*, *a auzi om audire*)¹⁵, специально возрожденные из латинских основ и введенные в активный обиход для описания тех или иных явлений.

Если воспринимать язык как одно из проявлений национального локуса, то подобные тактики его развития, которые привели к релатинизации словарного состава румынского языка, в значительной степени изменили румынский национальный локус.

¹³ Xenopol A. D. Les Roumains. Histoire, état matériel et intellectuel: huit leçons faites au Collège de France. Paris, 1909. P. 76.

¹⁴ Alistar D. Contribuții la studiul influenței limbii franceze asupra limbii române în prima jumătate a secolului al XIX-lea. București, 1973; Moldovanu-Cenușă I. Influența franceză în cadrul arhitecturii limbii române. Teoria «relatinizării» sau a «reromanizării» // Philologica Jassyensia. 2013. No 1. P. 183–194.

¹⁵ Об исторической лексикологии румынского языка в контексте латинизации и проявлений пуризма, направленных на сокращение числа славянских заимствований см.: Coteanu I. Introducere în lingvistica și filologia românească. București, 1970; Coteanu I., Sala M. Etimologia și limba română. București, 1987; Rosetti A., Cozacu B., Onu L. Istoria limbii române literare. București, 1971.

Подобные тактики и стратегии в рамках румынского националистического воображения в XIX в. не были случайны. Они, с одной стороны, содействовали румынизации интеллектуального и культурного пространств формирующегося румынского локуса, а с другой — актуализировали преемственность между румынами и воображаемыми римскими предками, интегрируя румын в число других романских наций, которые к тому времени среди интеллектуалов в Бухаресте или Яссах имели репутацию европейцев. Релатинизация языкового пространства, которая фактически стала формой его румынизации, позволила румынским интеллектуалам во второй половине XIX в. «изобрести» и «вообразить» румынский национальный локус. Релатинизированный румынский язык стал воображаемым коллективным телом румынского локуса, в то время как различные тактики и стратегии, направленные на формирование идеи румынской нации и актуализацию римско-румынской преемственности, обеспечили существование и развитие румынского «национального тела» во второй половине XIX в.

От локального к румынскому локусу

Румынские политические классы и интеллектуалы после появления на политической карте Центральной Европы независимой Румынии столкнулись с региональными проблемами, так как оказались вынуждены интегрировать в новое национализирующееся государство исторические регионы, населенные румыноязычным населением. Румынские интеллектуалы — в особенности поэты, конечно — были склонны воспевать и идеализировать локальные особенности румынских земель. Среди политических элит на протяжении раннего периода независимости доминировали представления об этих землях как «фатальном даре». На протяжении второй половины XIX столетия элиты в активном союзе с интеллектуалами смогли интегрировать эти регионы в единый румынский локус, вообразив их как «древние румынские земли»¹⁶. В румынской поэзии XIX в., как форме активно растущего и развивающегося румынского национализма, не было представления о Румынии как едином локусе. Локус Румынии был, наоборот, фрагментирован. В текстах румынских поэтов румынский локус был представлен локальными и региональными формами большого румынского дискурса.

Михай Эминеску (Mihai Eminescu)¹⁷ в своих текстах¹⁸ зафиксировал локус Буковины как «frumoasă Bucovina»¹⁹ («прекрасной Буковины») в контексте воображаемого

¹⁶ *Jordachi C.* «The California of the Romanians»: The Integration of Northern Dobrogea into Romania, 1878–1913 // *Nation-Building and contested identities: Romanian and Hungarian Case-Studies*. Budapest; Iași, 2001. P. 124.

¹⁷ Михай Эминеску в Румынии относится к числу мифологизированных фигур и «отцов нации». См.: *Bulgăr Gh.* 1) *Momentul Eminescu în evoluția limbii române literare*. București, 1971; 2) *De la cuvînt la metaforă în variantele liricii eminesciene*. Iași, 1975; *Calotă C.* *Poezia lui Mihail Eminescu și psihologia romantismului*. București, 1936; *Caracostea D.* 1) *Arta cuvîntului la Eminescu*. București, 1938; 2) *Creativitatea eminesciană*. București, 1943; *Murărașu D.* *Mihail Eminescu, Viața și Opera*. București, 1983; *Vianu T.* *Poezia lui Eminescu*. București, 1930; *Negoîtescu I.* *Poezia lui Eminescu*. Iași, 1970.

¹⁸ *Eminescu M.* *La Bucovina*. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/labucovina.php>

¹⁹ *Eminescu M.* *La mormântul lui Aron Pumnul*. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/pumnul.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

румынского пространства. Буковина периодически оказывалась в центре внимания гуманитарных штудий²⁰, авторы которых не только описывали, конструировали и воображали историю Буковины как локальную, но и интегрировали ее в румынский изобретаемый географический локус. Василе Александри (Vasile Alecsandri) формировал образ Молдовы как «Scumpă... și frumoasă» («драгоценная и красивая»), но эти позитивные качества не имели общенациональных коннотаций, так как сферой их распространения была «țară» как категория близкая в большей степени к земле или стране, но не политическому понятию государства. Молдова конструировалась им в контексте региональной, локальной, местной идентичности как «țara mea» («моя земля» / «моя страна»²¹). Василе Александри конструировал образ Молдовы как страны, как родины, но пока что только родины личной и персональной, которая в перспективе может стать родиной всей румынской нации. Молдовенизм в поэзии В. Александри как локализованная идентичность романоязычного населения региона постепенно трансформируется в румынизм.

ВООБРАЖАЯ И ИЗОБРЕТАЯ РУМЫНИЮ: ЛОКУС КАК «ЗДОРОВОЕ» ТЕЛО

В одном из наиболее известных стихотворений поэта «Hora Unirii» представлен проект национального румынского единства, но это единство имеет еще патриархальные и архаичные черты («Hai să dăm mână cu mână / Cei cu inimă română / Să-nvârtim hora frației / Pe rământul României!» — «пусть рука к руке / и румынским сердцем / закружится в братском танце / Румынская земля») и «земельные» коннотации, которые проявились, например, в упоминании «câmpia românească!» («румынской равнины»). В 1848 г. Василе Александри написал одно из самых национально окрашенных стихотворений «Deșteptarea României» («Пробуждение Румынии»), в котором «glas de înviere... glas de libertate» («глас воскрешения и голос свободы») призывал жителей страны, которой еще не существовало, чувствовать себя «sfânt și românesc» («святыми и румынами») и требовал от них пробуждения — «treziți-vă... frații mei de Românie!» («пробудитесь... мои братья ради Румынии»)²².

Джордже Кошбук²³ также призывал соотечественников быть активными «pentru țara Românească»²⁴ («ради страны Румынской»). «Deșteptarea României» зафиксировала появление еще одного европейского народа, пробуждение «poporul român» и его «copii de Românie» («детей Румынии»), населяющих «câmpia românească // Cete mândre de

²⁰ *Sbiera I.* O pagină din istoria Bucovinei din 1848–1850: Notițe despre familia Hurmuzachi. Cernăuț, 1899.

²¹ *Alecsandri V.* Adio Moldovei. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/adio-moldovei.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

²² *Alecsandri V.* Hora Unirii. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/horaunirii.php>

²³ О Джордже Кошбуке см. подробнее: *Micu D.* George Coșbuc. București, 1966; *Șuluțiu O.* Introducere în poezia lui George Coșbuc. București, 1970; *Poantă P.* Poezia lui George Coșbuc. Cluj, 1976; *Valea L.* Pe urmele lui George Coșbuc. București, 1986; *Scridon G.* Viața lui George Coșbuc. Cluj, 2003; *Drăgulescu R.* 1) George Coșbuc: Mitopoetica. Cluj, 2005; 2) George Coșbuc: Din Paradis către Infern. Sibiu, 2004; 3) *Limba și poezie în opera lui George Coșbuc.* Sibiu, 2004.

²⁴ *Coșbuc G.* Oltenii lui Tudor. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/tudor.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

gomâni» («румынскую равнину и румынские поля»), очерченные и локализованные в конкретных границах «Peste Molna, peste Milcov, peste Prut, peste Carpați»²⁵, что являлось одной из первых попыток зафиксировать румынский локус. В некоторых текстах Димитрие Болинтинейану (Dimitrie Bolintineanu) фигурировала не сама Румыния как политический локус, а «Domnul României»²⁶ как владетель румынского пространства. «Țară luminoasă»²⁷ («яркая земля»), «Scumpă țară românească»²⁸ («дорогая румынская земля»), «Scumpa noastră Românie» («наша дорогая Румыния») и «România îndrăzneată» («Румыния отважная»), ради которой лирический герой «вольно воскрикнул: Да здравствует Румыния!» («Și strigați în libertate: România să trăiască!»²⁹), превратилась в центральные образы в творчестве В. Александри, провозгласившего, что «Țara mea cea românească!»³⁰ («Моя страна — Румыния»).

Румыния была среди центральных образов в поэтическом наследии Димитрие Болинтинейану³¹, где она, правда, воображена не в национально выраженной системе координат, изобретена не как румынский национальный локус, но воображена как некое абстрактное географическое пространство, описанное в категориях, свойственных в большей степени для национальных романтиков. Румыния в классической румынской поэзии фигурировала как уникальное пространство, как «dulce Românie»³² или «Patria» (родина), «patria română»³³ (родина румын), история которой актуализировала континуитет между различными поколениями румын. Изобретение и институционализация румынского локуса не могла быть успешной без развития коллективных представлений о прошлом.

Румынские историки³⁴ сделали много не только для написания румынской истории, но и для национализации румынского прошлого в контексте его румынизации, активно знакомя западного читателя с историей румын, интегрируя тем самым румынский

²⁵ *Alecsandri V.* Deșteptarea României. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/desteptarearom.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

²⁶ *Bolintineanu D.* Mihai revenind de la Dunăre. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/mihaidunare.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

²⁷ *Alecsandri V.* Țara. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/tara.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

²⁸ *Coșbuc G.* Scumpă țară românească. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/scumpa.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

²⁹ *Alecsandri V.* 15 mai 1848. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/15mai1848.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

³⁰ *Alecsandri V.* Cântec ostășesc. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/ostasescva.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

³¹ *Bolintineanu D.* La România. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/laromania.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

³² *Eminescu M.* Ce-ți doresc eu ție, dulce Românie. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/doresc.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

³³ *Coșbuc G.* Patria română. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/patriaromana.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

³⁴ О роли румынской историографии в развитии национализма см.: *Pop A.* O fenomenologie a gândirii istorice românești. Teoria și filosofia istoriei de la Hasdeu și Xenopol la Iorga și Blaga. București, 1999.

локус в европейский исторический контекст, что проявилось в изданиях синтетических версий румынской истории на других европейских, преимущественно — романских³⁵, языках. Исторические штудии румынских интеллектуалов, которые легитимизировали румынизм³⁶, были той сферой, где формировались и воображались румынские национальный локус и коллективное политическое тело. Румынская историография, которая формировалась в условиях модернизации румынского общества и роста румынского национализма³⁷ во второй половине XIX – первой четверти XX в., усилиями таких историков как Александру Ксенопол³⁸, Николае Йорга наделила румынский локус историей и тем самым легитимизировала его как в настоящем, так и в контексте его преемственности с более ранними этапами румынской истории.

Историзация локуса в румынской историографии имела разные измерения, включая написание собственно истории³⁹, истории румынской литературы⁴⁰, румынской церкви и религиозной жизни⁴¹. Историзация локуса стала написанием истории обретения и завоевания локуса. Написание истории Румынии было невозможно без актуализации проблем истории даков⁴², которые были покорены Римом. Историзация румынского локуса требовала от тех интеллектуалов, которые его формировали и институционализировали, персонификации истории румынского пространства, которая благодаря их усилиям перестала быть безличной.

История Румынии и ее отдельных исторических регионов и земель оказалась связанной с историческими деятелями и боярскими фамилиями⁴³, интегрированными формировавшийся пантеон отцов нации и творцов румынского локуса как политического пространства. Одной из важнейших форм историзации локуса стало создание синте-

³⁵ *Xenopol A. D.* Edutes historique sur les peuples roumains. București, 1887.

³⁶ О тактиках и стратегиях работы с прошлым в румынской историографии см.: *Rusu M.* (Hi)story-telling the nation: the narrative construction of Romanianism in the late 19th century // *Journal of Comparative Research in Anthropology and Sociology*. 2014. Vol. 5. No 1. P. 101–120.

³⁷ Об историографии в контексте модернизации Румынии во второй половине XIX в. см.: *Zub A.* 1) De la istoria critică la criticism. Istoriografia română la finele secolului XIX și începutul secolului XX. București, 1985; 2) De la istoria critică la criticism. Istoriografia română sub semnul modernității. București, 2000.

³⁸ Об Александру Ксенополе см. подробнее: *Toma G.* Xenopol despre logica istoriei. București, 1971; *Zub A.* 1) A. D. Xenopol, 1847–1920. Biobibliografie. București, 1973; 2) L'Historiographie roumaine à l'âge de la synthèse: A. D. Xenopol. București, 1983; 3) Istoriografia română la vârsta sintezei: A. D. Xenopol. Iași, 2004.

³⁹ *Jorga N.* Acte și fragmente cu privire la istoria românilor: Vol. 1–2. București, 1895–1896.

⁴⁰ *Cartoian N.* 1) Istoria literaturii romane vechi. Vol. 1. De la origini pina la epoca lui Matei Basarab si Vasile Lupu. București, 1940; 2) Istoria literaturii romane vechi. Vol. 2. De la Matei Basarab si Vasile Lupu pina la Serban Cantacuzino si D. Cantemir. București, 1942; 3) Istoria literaturii romane vechi. Vol. 3. Cronicarii moldoveni. Epoca lui Serban Cantacuzino si a lui Constantin Brincoveanu. București, 1945.

⁴¹ *Jorga N.* Istoria Bisericii românești și a vieții religioase a românilor: Vol. 1–2. București, 1908–1909.

⁴² *Maior P.* Istori'a pentru Inceputulu Romaniloru in Daci'a. Budapesta, 1883.

⁴³ *Jorga N.* Ștefan cel Mare, Mihai Viteazul și Mitropolia Ardealului. București, 1904.

тических версий истории в позитивистском стиле, обобщающих историй Румынии⁴⁴, в которых доминировали большие нарративы, а румынская история конструировалась, начиная с завоевания Дакии римлянами⁴⁵.

Попытки институционализации румынского локуса были невозможны без формирования соответствующей национальной идентичности, точнее – распространения создаваемой интеллектуалами идентичности на относительно широкие массы населения. Потребители этих новых идентичностей современной румынской нации были носителями традиционных крестьянских культур и идентичностей. Последние имели преимущественно религиозные основания. Создание Румынского государства, которое было активно и динамично национализирующимся сообществом, привело к распространению новых идентичностей на широкие слои потенциальных членов румынской политической нации. Институционализация румынского локуса и румынского национального тела требовала от элит молодого национализирующегося государства постоянного взращивания и заботы о воображаемом и изобретаемом «национальном теле».

Поэтому вторая половина XIX в. в истории Румынии стала совокупностью попыток правящих элит и интеллектуальных сообществ культивировать национальный локус и взращивать воображаемо локализуемое в нем национальное румынское тело. Во второй половине XIX столетия румынские политические элиты, подобно правящим классам других национализирующихся обществ, активно использовали создаваемую ими же систему среднего и высшего образования для трансформации традиционных групп, представленных преимущественно пребывающими на культурной и социальной периферии крестьянами, в модерновые сообщества.

С одной стороны, румынские элиты пытались провести ограниченную секуляризацию⁴⁶ румынского национального локуса, что было попыткой придать преимущественно традиционному и архаичному национальному крестьянскому телу налет современности и европейскости. Секуляризации, по мнению элит, должно было содействовать преобразованию верующих крестьян в граждан посредством распространения унифицированного румынского языка⁴⁷ и образования, теоретически оформленного относительно поздно, в начале XX в., в концепте национальной школы⁴⁸.

Первые попытки подобной трансформации имели место в конце 1830-х гг., когда в Бухаресте был издан первый учебник, посвященный истории румын⁴⁹, а в 1843 г.⁵⁰ националистически ориентированные интеллектуалы попытались сформировать у потенциальных граждан еще не существующего румынского государства идеи «Родины» и патриотизма. Упражнения румынских интеллектуалов с историей, направленные на формирование национальной истории для относительно массового потребления в

⁴⁴ Xenopol A.D. *Istoria românilor*. București, 1879.

⁴⁵ Xenopol A.D. *Istoria românilor din Dacia-Traiană*: Vol. 1–6. București; Iași, 1888–1893.

⁴⁶ Murgescu M.-L. *Între «bunul creștin» și «bravul român»*. Rolul școlii primare în construirea identității naționale românești (1831–1878). Iași, 1999.

⁴⁷ Laurian A. T., Massim I. C. *Dictionariul limbii române*. București, 1871.

⁴⁸ Haret S. *Școala Naționalistă*. București, 1907.

⁴⁹ Aaron F. *Manual de istoria principatului României. Dela cele dintâi vremi istorice pînă în zilele de acum*. București, 1839.

⁵⁰ Aaron F. *Patria, patriotul și patriotismul*. București, 1843.

средней школе, в целом оставались в рамках позитивистского канона. Их авторы⁵¹ были склонны писать большие истории, которые актуализировали прямые и непрерывные линии исторического процесса от даков до румын.

Подобные тактики и стратегии румынских националистов на данном этапе не носили регулярного и последовательного характера потому, что национальный локус сохранял свой пространственно-множественный характер. Одновременно с румынскими концептами культивировались идеи молдовенизма⁵² или актуализировались трансильванские⁵³ пласты формирующегося концепта румынского национального пространства и тела. Формирование румынского локуса и национального тела начиналось с их историзации, призванной актуализировать пространственную преемственность между различными румынскими землями и континуитет между историческими поколениями румын. Попытки исторической унификации румынского локуса отличались значительными противоречиями: с одной стороны, интеллектуалы в Бухаресте понимали необходимость национальной консолидации и издавали книги, предназначенные для смешанных школ⁵⁴; с другой — предусматривалось использование различных учебников для городских и сельских школ⁵⁵.

Новые поколения румын, прошедшие через государственную унифицированную школу, стали национализированными массами, которые были в состоянии не только воспринимать и принимать, но и обслуживать румынский национальный локус, гарантируя его воспроизводство и дальнейшее развитие концепта национального румынского тела. Круг активных потребителей этой идеи был уже, чем число тех, для кого предназначался концепт румынского локуса, выраженный в более понятных идеях румынской земли, внешней угрозы, римско-румынской преемственности.

ЛОКУС В КОНТЕКСТЕ РИМСКО-РУМЫНСКОГО КONTИНУИТЕТА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДКИ НАЦИОНАЛЬНОГО РУМЫНСКОГО ТЕЛА

Нарративы и образы исторической румынской преемственности, которые в румынской идентичности XIX в.⁵⁶, с одной стороны, успели стать общим местом, а с другой — подверглись значительной мифологизации, были характерны для текстов Димитрие Болинтиняну, который, конструируя Румынию как идеальное отечество, уподоблял ее «*Cuib în care ne-am născut / Câmp pe care s-a văzut /*

⁵¹ *Heliade Rădulescu I.* Prescurtare de historia românilor sau Dacia și România. București, 1861; *Laurian A. T.* Istoria Romanilor. Vol. 1–3. Iași, 1853; *Melidon G. R.* Istoria națională pentru poporū saū Némul, sapa, arma, casa și mintea Românilor prin tôte timpurile și locurile. București, 1876.

⁵² *Albineț I.* Manual de istoria Principatului Moldavei. Iași, 1845.

⁵³ *Moldovan I. M.* Istoria Ardealului, pentru scolele poporale. Blasiu, 1866; *Rusu I. V.* Elemente de istori'a Transilvaniei pentru învețiatorii și școalele popularie romane. Sibiiu, 1865.

⁵⁴ *Tocilescu G. G.* Istoria română: pentru scólele primare de ambe-sexe. București, 1889; *Xenopol A. D.* Istoria românilor: pentru clasele primare de ambe-sexele. Iași, 1890.

⁵⁵ *Tocilescu G. G.* Istoria romanilor cu narațiuni, întrebări și resumate: pentru clasa IV-a urbană și a V-a rurală: Cursul superior. București, 1896.

⁵⁶ О формировании современной румынской идентичности см.: *Boia L.* 1) Două secole de mitologie națională. București, 2002; 2) Istorie și mit în conștiința românească. București, 1997; *Boia L.* Occidentul — o interpretare istorică. București, 2007.

Vitejia strămoșească»⁵⁷ («гнезду, где мы родились, пашням, на которые мызираем, наследственной доблести предков»). Эта преемственность в румынской поэзии XIX в. носила романтически-идиллический характер, но была важна в контексте наделения румынского локуса идеальными характеристиками. Более того, в текстах Димитрие Болитинеану локус Румынии как локализованной Родины не только расширяется до «*români pe lume*»⁵⁸ (румынского мира), но и обретает качество «*legea românească*»⁵⁹ (румынского закона), то есть национальной легитимности, преемственности между юридическими традициями Рима и национальным правом Румынии.

В текстах Октавиана Гоги⁶⁰ волчи образы⁶¹ актуализировали римско-румынскую преемственность в контексте традиционной народной культуры. В поэме «*Sentinela română*» Василе Александри актуализировал римские образы («*Sunt roman și sunt oștean // De-a-mpăratului Traian! // Maica Roma cea bătrână*»⁶²), что придавало румынскому локусу континуитет с Древним Римом. Историческая преемственность между Римом и Румынией периодически актуализировалась в текстах Джордже Кошбука, в частности — в поэме «Мост Траяна» («*Podul lui Traian*»⁶³). Если румынские поэты-романтики идеализировали румынскую историю и предпочитали описывать римско-румынский континуитет поэтическими образами, включая сюжеты из римской мифологии, то интеллектуалы-гуманитарии искали несколько иные проявления и доказательства непосредственного и прямого континуитета между римлянами и румынами.

Сравнительно быстро они осознали, что румынская речь является проявлением языковой преемственности между латынью и румынским языком. Национально ориентированные румынские авторы особое внимание уделяли роли румынского языка⁶⁴ в развитии культуры, абсолютизируя и идеализируя роль языкового фактора и языковой

⁵⁷ Coșbuc G. Scumpă țară românească. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/scumpa.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

⁵⁸ Coșbuc G. Patria română. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/patriaromana.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

⁵⁹ Coșbuc G. Patria română. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/patriaromana.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

⁶⁰ Об Октавиане Гогэ см.: *Boilă Z.* Un braconier politic: Octavian Goga. Blaj, 1924; *Botoiu Ș.* Animatorii marelui ideal. Craiova, 1930; *Crainic N.* Elogiul lui Octavian Goga. București, 1941; *Doicescu C.* Viața lui Goga. București, 1942; *Ghibu O.* Amintiri despre Octavian Goga. Sibiu, 1943; *Papadima O.* Octavian Goga. București, 1944; *Netea V.* De la Petru Maior la Octavian Goga: Studii și evocări istorice. București, 1944; *Bălan I.* Octavian Goga. București, 1971; *Popa M.* Octavian Goga între colectivitate și solitudine. Cluj, 1981; *Fătu M.* Cu pumnii strănși: Octavian Goga în viața politică a României 1918–1938. București, 1994; *Sandache C.* Doctrina național-creștină în România. București, 1997; *Gușan I.* Octavian Goga — răsfrângerii în evantai. Sibiu, 2002; *Bodea Gh.* Octavian Goga — o viață, un destin. Cluj, 2004.

⁶¹ Goga O. Lupul. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/lupul.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

⁶² Alecsandri V. Sentinela română (poem istoric). URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/sentinelarom.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

⁶³ Coșbuc G. Podul lui Traian. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/podultraian.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

⁶⁴ *Capidan T.* Limbă și cultură. București, 1943.

уникальности румын среди нероманских соседей. Кроме этого, румынские авторы внимательно относились к судьбе румын и румынских диалектов за пределами Румынии⁶⁵. Румынские националисты прилагали значительные усилия, чтобы картировать изобретаемый и воображаемый ими коллективный румынский локус в балканском пространстве так, чтобы он выделялся из соседних нероманских пространств, контекстов и таких же воображаемых локусов, актуализируя румынскую идентичность.

Поэтому румынские интеллектуалы уделяли особое внимание Балканскому региону⁶⁶. Балканы в целом были воображены как некий коллективный локус бытования румынского языка с подвижными и неопределенными, незафиксированными границами. Языковые штудии румынских национально ориентированных интеллектуалов актуализировали проблемы незавершенности формирования румынского локуса, фронтального характера его границ. Актуализация языковой компоненты в румынском национализме была неизбежной, если принять во внимание соседство романоязычных румын, воображаемых как прямые потомки римлян, с нероманскими народами.

Румынские интеллектуалы уделяли особое внимание изучению латыни, связям румынского языка с вульгарной латынью и истории языка в целом. В 1920 г. они предприняли важный шаг на пути актуализации римско-румынской преемственности, опубликовав один из первых фундаментальных латино-румынских словарей⁶⁷. Сама лексика в них была призвана подчеркнуть и фактически актуализировала языковые связи румынского языка с латынью.

РУМЫНСКИЙ ЛОКУС И ВОЙНА: «ТЕЛО» СОПРОТИВЛЯЕТСЯ...

Начиная с Василе Александри в румынской поэзии закрепилась традиция отождествлять все румынское, в том числе ее страдания, «Plânsul sfintei României»⁶⁸ («плач святой Румынии»), с войной, с возможностью и необходимостью расширения территорий румынского локуса, защиты национального румынского тела от внешних опасностей и посягательств со стороны соседей. В этом контексте румынский воображаемый локус XIX в. актуализирует свои «телесные» характеристики, уподобляясь растущему телу. Сравнение локуса с телом не является случайным: сами румынские интеллектуалы в XIX в. активно сравнивали свою Родину с телом, что включает румынский национализм в общеевропейский контекст. Националисты в других регионах не были чужды биологизации воображаемой нации и изобретаемой родины. В частности, Николае Йорга уподоблял румынскую нацию телу, «которое может жить или умереть, но не может превратиться в другое живое творение»⁶⁹. Октавиан Гога подчеркивал, что румынская нация «подобна большому телу, на котором регулярно появляются

⁶⁵ *Hasdeu B.* Româniile bănăţeni din punctul de vedere al conservatorismului dialectal şi teritorial. Bucureşti, 1896.

⁶⁶ *Avion V., Pârvan V.* România şi popoarele balcanice. Bucureşti, 1913.

⁶⁷ *Nădejde I., Nădejde-Gesticone A.* Dicţionar Latin – Român. Iaşi, 1920.

⁶⁸ *Coşbuc G.* Cântec ostăşesc. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/ostasesc.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

⁶⁹ Цит. по: *Neagoe L.* From «national essence» to «ethnic ontology»: philosophical backgrounds of Romanian nationalism // *Anuarul Institutului de Istorie «George Bariţiu»*. 2010. No XLIX. P. 360.

паразиты»⁷⁰. На роль этих «паразитов» претендовали географические соседи Румынии, которым румынские авторы приписывали желание отторгнуть румынские территории. Румынские историки⁷¹ не отставали от поэтов, которые обеспечивали нацию романтически выверенными образами Других, активно принимая участие в изобретении политических и военных противников, которые покушались на румынский локус.

Поэтому «ostaș român»⁷² или «oștirea română»⁷³ периодически выступал как центральный герой румынской поэзии. Василе Александри стремился зафиксировать румынский локус не только географически, но и наделить эту воображенную (в румыноцентричной системе координат) географию столь же румынской историей, что проявилось в его поэме «Sentinela română» («Страж румынский»), где в качестве центральных элементов румынского пространства были воображены Саpații, Dunărea, Nistru (которые следовало защищать и оберегать от внешних врагов), а общий политический месседж поэмы сводился к идее, что «Românul nu pierge» («Румын никогда не погибает»). В ряде случаев румынская идентичность в XIX в. актуализировала свою типологическую и структурную близость с другими балканскими и центрально-европейскими новыми национализмами⁷⁴, что проявилось в активном развитии в рамках румынского националистического воображения образов инаковости. На статус универсальных и неизбежных Других, которые окружали румынский локус и против кого боролись румынские предки, выступали «Turcii»⁷⁵ (турки). Территориальная преемственность румынского локуса была актуализирована и в контексте общего враждебного окружения, представленного «limbile dușmane» («вражьи языки»), которые в себя включали «De gerizi și de bulgari // De lombarzi și de avari! / Vin și hunii, vin și goții»⁷⁶. Военная компонента румынского локуса будет реализована позднее, в XX столетии, когда румынские интеллектуалы предпримут попытку пересмотреть его фронтальный характер и зафиксировать границы румынского локуса, коллективного пространства Румынии как нации, что толкнет их к участию в балканской и двух мировых войнах. Это было бы невозможно без интеллектуальной легитимации, предпринятой уже в конце XIX в.

⁷⁰ Цит. по: Szilágyi-Gál M. The Nationality of Reasoning: Autochthonist Understandings of Philosophy in Interwar Romania // Nation-Building and contested identities: Romanian and Hungarian Case-Studies. Budapest; Iași, 2001. P. 86.

⁷¹ Xenopol A. D. Războiul dintre Ruși și Turci. București, 1880.

⁷² Bolintineanu D. Un ostaș român închis peste Dunăre. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/ostas.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

⁷³ Coșbuc G. Pașa Hassan. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/pasahassan.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

⁷⁴ О румынском национализме и сконструированных им нации и идентичности в центрально-европейском и балканском контекстах см.: Delsol Ch. Mituri și simboluri politice în Europa Centrală. Chișinău, 2003; Hermet G. Istoria națiunilor și a naționalismului în Europa / G. Hermet; Trad. de S. Dram. Iași, 1997.

⁷⁵ Bolintineanu D. Mihai revenind de la Dunăre. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/mihaidunare.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

⁷⁶ Alecsandri V. Sentinela română (poem istoric). URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/sentinelarom.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.).

**СИМВОЛИЧЕСКИЕ СЛИЯНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЛОКУСА И НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕЛА:
ПОХОРОНЫ КАК ИЗОБРЕТАЕМАЯ ТРАДИЦИЯ (КАЗУС АРОНА ПУМНУЛА)**

Мотивы румынского локуса и румынского тела переплелись в румынской романтической поэтической традиции XIX в., когда речь заходила о смерти. Мортальный пласт⁷⁷ в румынской национальной поэтике в одинаковой степени актуализировал мотивы локуса и образы тела, а сам акт погребения румынских националистических лидеров в румынскую землю стал одной из первых изобретенных традиций. Стихотворение Михая Эминеску «*La mormântul lui Aron Pumnul*» показательно как одна из первых попыток зафиксировать связь национального локуса и тела, картировать погребение национального героя как изобретаемую традицию в контексте формирующихся национальных праздников и символически значимых политических ритуалов. В тексте стихотворения актуализирован румынский национальный локус на его региональном уровне в контексте Буковины, но в этом контексте он обретает новое содержание — плачущего и скорбящего национального локуса по утрате национального тела. Символическим образом это национальное тело олицетворяет фигура Арона Пумнула, определенного Михаем Эминеску как «*geniul mare al deșteptării tale*»⁷⁸ («великий гений пробуждения нашего»). Поэтому Буковина не только «*frumoasă*», но и локус в состоянии излета, падения, утрат («*Se stinse un luceafăr, se stinse o lumină*» — «Утренняя звезда погасла и свет исчез»). Одновременное совпадение национального локуса и мертвого «национального» тела качественно меняет содержание пространства: на смену идиллической Буковине приходит «*te plânge Bucovina, te plânge-n voce tare*». «*Cununi de albe flori*» предстает не только как романтический, но и политический образ, как одна из первых попыток зафиксировать подношение венка политически значимому усопшему. Михай Эминеску своим текстом «*La mormântul lui Aron Pumnul*», с одной стороны, фиксирует нарождающуюся изобретенную традицию, а с другой — сам поэтический дискурс М. Эминеску, переосмысленный наследниками, стал такой же изобретенной традицией, интегрированной в румынскую идентичность.

Выводы и перспективы исследования

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Румынский культурный локус или локус румынской идентичности был институционализирован во второй половине XIX в. усилиями румынских националистически ориентированных интеллектуалов. Локус в националистическом воображении оказался тесно переплетен с представлениями о коллективном национальном теле, когда румынская нация

⁷⁷ Термин «мортальность» не получил широкого распространения в российской гуманистике, за исключением ряда работ автора, сфокусированных на проблемах формирования коллективных образов и представлений о смерти националиста-революционера в модернизирующихся и национализирующихся культурах. См.: *Кирчанов М. В.* Поэтическая депрессия в дискурсе чувашского модернизма начала 1920-х годов // Вестник ВГАСУ. 2014. № 2. С. 12–20; *Кърчансен М.* Нарративы вилем в дискурсе чувашской (пост)модерной литературы // Российский журнал исследований национализма. 2015. № 1–2. С. 6–63.

⁷⁸ *Eminescu M.* *La mormântul lui Aron Pumnul*. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/pumnul.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (Далее все цитаты в тексте приводятся по данной публикации).

воспринималась как коллективный живой организм. Румынский национальный локус XIX столетия благодаря усилиям румынских националистов обрел одновременно географические и национальные уровни. С одной стороны, локус Румынии был воображен и изобретен как целостное географическое пространство. С другой стороны, формирующийся румынский локус радикально отказывался от более ранних локализованных форм и проявлений идентичности, решительно порывал с архаической и традиционной аграрной идиллией, но фактически в социальном и экономическом плане румынский культурный локус оставался традиционным.

Поэтому в контексте румынской идентичности XIX–XX вв. сосуществовали два идеальных и воображенных локуса, которые актуализировали традиционную и динамично меняющуюся идентичности — нео-романизованную идентичность политических и интеллектуальных классов и традиционные локализованные региональные идентичности условно румынского крестьянства. В XIX столетии румынский локус имел несколько измерений, а именно — географическое, европейское, румынское и романское. Географическое измерение румынского изобретаемого локуса проявлялось в попытках и стремлении политических классов утвердить Румынию в воображаемой политической географии Европы, втиснув и вписав ее в контекст европейских, преимущественно — имперских, географий.

Европейский уровень румынского национального локуса проявился в стремлении румынских националистов изобрести и вообразить румын как европейскую нацию и актуализировать европейские, западные компоненты в румынской национальной идентичности. Румынская форма локуса Румынии состояла в культивировании и утверждении румынской идентичности: политические элиты стремились трансформировать традиционные аграрные сообщества в новую политическую нацию. Романское измерение румынского локуса состояло в актуализации именно романского происхождения румын, что содействовало маргинализации архаичных региональных уровней идентичности, минимизации славянского влияния и радикального разрыва с Востоком.

Формирование и развитие румынского локуса в XIX в. стало и историей постепенной деориентализации и последовательной оксидентализации воображаемых культурных пространств. Рероманизация или вторичная романизация румынской культурной традиции была формой именно деориентализации румынского культурного локуса. Системной особенностью румынского культурного локуса было то, что румынский локус в XIX и XX вв. не имел четких границ, а развивался в условиях фронта, что стало следствием составного характера румынского проекта, который интегрировал в себя несколько регионализированных локусов, среди которых были Трансильвания, Молдова, Мунтения, Валахия, Бессарабия, Олтения, Добруджа, Буковина, Марамуреш.

Фронтальный характер румынского культурного локуса актуализировался в склонности румынских политических элит в XX в. реализовать проект «Великой Румынии», существенно расширив границы румынского воображаемого национального и политического локуса за счет интеграции в его состав территорий, которые изобретались в румынском националистическом дискурсе как румынские и которым румынские националистически ориентированные интеллектуалы приписывали все воображаемые ими же румынские национальные качества, характеристики и добродетели — от латинизированного романизма до этнического румынизма, от оксидентализма в широком понимании до европеизма как его частного прочтения. Важнейшая особенность румынского

культурного локуса XIX и XX столетий состояла в том, что он был текстуализирован, и поэтому локус развивался как часть «большого» националистического дискурса. Локус Румынии или румынский локус в XX в. перестал быть только географическим понятием подобно тому как румынские интеллектуалы отказались от концепта «тела» как исключительно биологически-социального национального организма. Текстуализация локуса и тела существенно и решительно расширила сферу их бытования, распространив на различные культурные дискурсивные практики и языки политики, которые, в свою очередь, содействовали формированию или актуализации новых форм идентичности.

Данные о статье

Автор: Кирчанов, Максим Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, maksymkyrchanoff@gmail.com

Заголовок: Воображая Румынию пространственно и телесно: «национальный локус» и «национальное тело» как изобретаемые традиции румынской идентичности второй половины XIX в.

Резюме: Автор анализирует проблемы ранней современной румынской идентичности в контексте развития понятий «национальный локус» и «национальное тело». Анализируются тактики и стратегии формирования и продвижения идентичности. Румынские поэты и интеллектуалы были основными форматорами румынской идентичности. Автор полагает, что идеи Родины, римско-румынской преемственности, борьбы против внешних врагов формировали ядро ранней румынской идентичности. Средняя школа содействовала унификации и росту серийной румынской национальной идентичности. Концепты румынского «национального локуса» и «национального тела» формировались во второй половине XIX века. Эволюция коллективных представлений о национальном локусе и теле к началу XX столетия не завершилась, что содействовало радикализации румынских политических классов и актуализировало военные сценарии институционализации национального локуса и тела.

Ключевые слова: Румыния, идентичность, национализм, изобретение традиций, национальный локус, национальное тело

Information about the article

Author: Kirchanov, Maksim Valeryevich — Doctor in History, Associate Professor, Voronezh State University, Voronezh, Russia, maksymkyrchanoff@gmail.com

Title: Imagining Romania spatially and bodily: «national locus» and «national body» as inventing traditions of Romanian identity in the second half of the 19th century

Summary: The author analyzes problems of early modern Romanian identity in context of development of «national locus» and «national body» concepts. The tactics and strategies of formation and promotion of identity are analyzed. Romanian poets and intellectuals were the main formators of Romanian identity. The author presumes that ideas of homeland, Roman-Romanian continuity, struggle against external enemies formed the core of early Romanian identity. Secondary school system also promoted unification and rise of serial Romanian national identity. The concepts of Romanian «national locus» and «national body» were formed during the second half of the 19th century. The evolution of collective representations about national body and locus has not ended by the beginning of the 20th century that assisted to radicalization of Romanian political class and actualized war scenario of national body and locus institutionalization.

Keywords: Romania, identity, nationalism, invention of tradition, national locus, national body

References

Aaron, Florian. *Manual de istoria principatului României. Dela cele dintii vremi istorice pînă în zilele de acum* [Textbook of Romanian History from the first historical times to modern days]. Bucureşti: Tipografia Colegiului Sf. Sava, 1839. 125 p. (in Romanian).

Aaron, Florian. *Patria, patriotul și patriotismul* [Motherland, Patriot and Patriotism]. Bucureşti: Tipografia curții a lui Fr. Valbaum, 1843. 214 p. (in Romanian).

Albineț, Ioan. *Manual de istoria Principatului Moldavei* [Basic textbook of Moldovan history]. Iași: Institutul lui Albinei Publ., 1845. 216 p. (in Romanian).

Alecsandri, Vasile. 15 mai 1848 [May 15, 1848]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/15mai1848.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).

- Alecsandri, Vasile. *Adio Moldovei* [Farewell Moldova]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/adiomoldovei.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).
- Alecsandri, Vasile. *Cântec ostășesc* [Military song]. URL: http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/ostasesc_va.php (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).
- Alecsandri, Vasile. *Deșteptarea României* [Awakening Romania]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/deşteptarearom.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).
- Alecsandri, Vasile. *Hora Unirii* [Hour for unity]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/horaunirii.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).
- Alecsandri, Vasile. *Sentinela română (poem istoric)* [Romanian Sentinel (historical poem)]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/sentinelarom.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).
- Alecsandri, Vasile. *Țara* [Land]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/tara.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).
- Alexandrescu, Sorin. *Paradoxul Român* [Romanian Paradox]. București: Univers Publ., 1998. 333 p. (in Romanian).
- Alistar, Dumitru. *Contribuții la studiul influenței limbii franceze asupra limbii române în prima jumătate a secolului al XIX-lea* [Contributions to studies of French influence on Romanian language in the first half of the 19th century]. București: Centrul de Multiplicare al Universității din București Publ., 1973. 190 p. (in Romanian).
- Andrescu, Gabriel. *Naționaliști, antinaționaliști...: O polemică în publicistica românească* [Nationalists, anti-nationalists: polemics in Romanian journalism]. Iași: Polirom Publ., 1996. 192 p. (in Romanian).
- Antohi, Sorin. *Civitas Imaginalis: Istorie și utopie în cultura română* [Civitas Imaginalis: a history and utopia in Romanian culture]. București: Litera Publ., 1994. 344 p. (in Romanian).
- Armstrong, John. *Nations before Nationalism*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. 410 p.
- Avion, Virgil; Pârvan, Vasile. *România și popoarele balcanice* [Romania and Balkan nations]. București: Tipografia Românească, 1913. 61 p. (in Romanian).
- Baár, Monika. The Intellectual Horizons of Liberal Nationalism in Hungary: The Case of Mihály Horváth (1809–1878), in Trencsényi, Balázs; Petrescu, Dragoș (eds). *Nation-Building and contested identities: Romanian and Hungarian Case-Studies*. Budapest; Iași: Regio Books and Polirom Publ., 2001. P. 21–41.
- Bălan, Ion. *Octavian Goga*. București: Minerva Publ., 1971. 173 p. (in Romanian).
- Bodea, Gheorghe. *Octavian Goga — o viață, un destin* [Octavian Goga: life and destiny]. Cluj: Limes Publ., 2004. 381 p. (in Romanian).
- Boia, Lucian. *Două secole de mitologie națională* [Two centuries of national mythology]. București: Humanitas Publ., 2002. 136 p. (in Romanian).
- Boia, Lucian. *Istorie și mit în conștiința românească* [A history and myth in Romanian consciousness]. București: Humanitas Publ., 1997. 410 p. (in Romanian).
- Boia, Lucian. *Occidentul — o interpretare istorică* [West — historical explanation]. București: Humanitas Publ., 2007. 102 p. (in Romanian).
- Boilă, Zaharia. *Un braconier politic: Octavian Goga* [A political poacher: Octavian Goga]. Blaj: Cartea Românească Publ., 1924. 32 p. (in Romanian).
- Bolintineanu, Dimitrie. *La România* [Romania]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/laromania.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).
- Bolintineanu, Dimitrie. *Mihai revenind de la Dunăre* [Returning of Mihai from the Danube]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/mihaidunare.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).
- Bolintineanu, Dimitrie. *Un ostaș român închis peste Dunăre* [Romanian soldier closed over the Danube]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/ostas.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).
- Botoiu, Ștefan. *Animatorii marelui ideal* [The great ideal of rulers]. Craiova: Tiparul Prietenii Științei Publ., 1930. 260 p. (in Romanian).
- Bulgăr, Gheorghe. *De la cuvînt la metaforă în variantele liricii eminesciene* [From the variants of word to metaphor on poetry of Eminescu]. Iași: Junimea Publ., 1975. 260 p. (in Romanian).
- Bulgăr, Gheorghe. *Momentul Eminescu în evoluția limbii române literare* [Eminescu moment in evolution of Romanian literary language]. București: Minerva Publ., 1971. 344 p. (in Romanian).
- Calotă, Constantin. *Poezia lui Mihail Eminescu și psihologia romantismului* [Poetry of Mihai Eminescu and psychology of Romanticism]. București: Librăriei «Principele Mircea» Publ., 1936. 317 p. (in Romanian).

- Capidan, Theodor. *Limbă și cultură* [Language and culture]. București: Fundația regală pentru Literatură și Artă Publ., 1943. 441 p. (in Romanian).
- Caracostea, Dumitru. *Creativitatea eminesciană* [The creativeness of Eminescu]. București: Fundațiilor Regale Publ., 1943. 313 p. (in Romanian).
- Caracostea, Dumitru. *Arta cuvântului la Eminescu* [Art of word of Eminescu]. București: Institutul de istorie literară și folclor Press, 1938. 168 p. (in Romanian).
- Cartoian, Nicolae. *Istoria literaturii romane vechi. Vol. 1. De la origini pina la epoca lui Matei Basarab si Vasile Lupu* [A history of old Romanian literature. Vol. 1. From epoch of Matei Basarab to Vasile Lupu]. București: Fundația regală pentru literatură și artă Publ., 1940. 268 p. (in Romanian).
- Cartoian, Nicolae. *Istoria literaturii romane vechi. Vol. 2. De la Matei Basarab si Vasile Lupu pina la Serban Cantacuzino si D. Cantemir* [A history of old Romanian literature. Vol. 2. From Matei Basarab and Vasile Lupu to Serban Cantacuzino and D. Cantemir]. București: Fundația regală pentru literatură și artă Publ., 1942. 272 p. (in Romanian).
- Cartoian, Nicolae. *Istoria literaturii romane vechi. Vol. 3. Cronicarii moldoveni. Epoca lui Serban Cantacuzino si a lui Constantin Brincoveanu* [A history of old Romanian literature. Vol. 3. Moldavian Chronicles. Epoch of Cantacuzino and Constantin Brincoveanu]. București: Fundația regală pentru literatură și artă Publ., 1945. 266 p. (in Romanian).
- Coșbuc, George. *Cântec ostășesc* [The song of soldier]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/ostasesc.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).
- Coșbuc, George. *Oltanii lui Tudor* [Oltanii Tudor]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/tudor.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).
- Coșbuc, George. *Pașa Hassan* [Pasha Hassan]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/pasahas-san.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).
- Coșbuc, George. *Patria română* [Homeland of Romanians]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/patriaromana.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).
- Coșbuc, George. *Podul lui Traian* [The bridge of Traian]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/podultraian.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).
- Coșbuc, George. *Scumpă țară românească* [Precious Romanian country]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/scumpa.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).
- Coteanu, Ion. *Introducere în lingvistica și filologia românească* [Introduction in Romanian linguistic and philology]. București: Univ. din București Press, 1970. 347 p. (in Romanian).
- Coteanu, Ion; Sala, Marius. *Etimologia și limba română* [Ethimology and Romanian language]. București: Academia Republicii Socialiste România Press, 1987. 160 p. (in Romanian).
- Crainic, Nichifor. *Elogiul lui Octavian Goga* [Euology of Octavian Goga]. București: Monitorul Oficial și Imprimeriile Statului, Imprimeria Națională Publ., 1941. 336 p. (in Romanian).
- Delsol, Chantal. *Mituri și simboluri politice în Europa Centrală* [Myths and political symbols in Central Europe]. Chișinău: Cartier Publ., 2003. 597 p. (in Romanian).
- Densusianu, Ovid. *Istoria limbii române* [A history of Romanian language]. București: Univ. din București Press, 1985. 320 p. (in Romanian).
- Doicescu, Ciprian. *Viața lui Goga* [The life of Octavian Goga]. București: Cartea Românească Publ., 1942. 208 p. (in Romanian).
- Drăgulescu, Radu. *George Coșbuc: Din Paradis către Infern* [George Coșbuc: from Paradise to Hell]. Sibiu: ULBS Publ., 2004. 285 p. (in Romanian).
- Drăgulescu, Radu. *George Coșbuc: Mitopoetica* [George Coșbuc: mythopoetics]. Cluj: Casa Cărții de Știință Publ., 2005. 296 p. (in Romanian).
- Drăgulescu, Radu. *Limba și poezie în opera lui George Coșbuc* [Language and poetry in works of George Coșbuc]. Sibiu: ULBS Publ., 2004. 260 p. (in Romanian).
- Duțu, Alexandru. *Coordonate ale culturii românești în secolul al XVIII-lea* [Coordinates of Romanian culture in the 18th century]. București: Editura pentru literatură Publ., 1968. 44 p. (in Romanian).
- Eminescu, Mihai. *Ce-ți doresc eu ție, dulce Românie* [What do you want fir thee, my sweet Romania]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/doresc.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).
- Eminecu, Mihai. *La Bucovina* [Bucovine]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/labucovina.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).

- Eminescu, Mihai. *La mormântul lui Aron Pumnul* [The tomb of Aron Pumnul]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/pumnul.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).
- Fătu, Mihai. *Cu pumnii strânsi: Octavian Goga în viața politică a României 1918–1938* [With crossed fingers: Octavian Goga in political life of Romania, 1918–1938]. București: Globus Publ., 1994. 297 p. (in Romanian).
- Geary Patrick J. *Mitul națiunilor: originile medievale ale Europei* [The myths of nations: medieval origins of Europe]. Târgoviște: Cetatea de Scaun Publ., 2007. 230 p. (in Romanian).
- Gellner, Ernest. *Cultură, identitate și politică* [Culture, identity and politics]. Iași: Institutul Europea Publ., 2001. 280 p. (in Romanian).
- Gellner, Ernest. *Naționalismul* [Nationalism]. București: Antet Publ., 2001. 107 p. (in Romanian).
- Gellner, Ernest. *Națiuni și naționalism. Noi perspective asupra trecutului* [Nations and Nationalism. New perspectives of the past]. București: Antet Publ., 1997. 216 p. (in Romanian).
- Ghibu, Onisifor. *Amintiri despre Octavian Goga* [Memoirs about Octavian Goga]. Sibiu: Tiparul Institutului de Arte Grafice Dacia Traiana Publ., 1943. 216 p. (in Romanian).
- Goga, Octavian. *Lupul* [Wolf]. URL: <http://www.romanianvoice.com/poezii/poezii/lupul.php> (Последнее посещение — 22 октября 2016 г.). (in Romanian).
- Guțan, Ilie. *Octavian Goga — răsfângeri în evantai* [Octavian Goga: reflections of admirer]. Sibiu: Imago Publ., 2002. 302 p. (in Romanian).
- Haret, Spiru. *Școala Naționalistă* [Nationalistic school]. București: Institutul de Arte Grafice «Carol Göbl» Publ., 1907. 23 p. (in Romanian).
- Hasdeu, Bogdan Petriceicu. *Românii bănățeni din punctul de vedere al conservatorismului dialectal și teritorial* [Romanians banats from viewpoint of dialectal and territorial conservatism]. București: Institutul de Arte Grafice Publ., 1896. 69 p. (in Romanian).
- Heliade, Rădulescu Ion. *Prescurtare de historia românilor sau Dacia și România* [Brief history of Romanians in Dacia and Romania]. București: Typographia Heliade și Asociați, 1861. 200 p. (in Romanian).
- Hermet, Guy. *Istoria națiunilor și a naționalismului în Europa* [A history of nations and nationalisms in Europe]. Iași: Institutul European Publ., 1997. 344 p. (in Romanian).
- Hobsbawm, Eric J. *Națiuni și naționalism din 1780 până în prezent: program, mit, realitate* [Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality]. Chișinău: Arc Publ., 1997. 206 p. (in Romanian).
- Hobsbawm, Eric; Ranger, Terence. *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.
- Iordachi, Constantin. *The California of the Romanians: The Integration of Northern Dobrogea into Romania, 1878–1913* Iași: Regio Books and Polirom Publ., 2001. 152 p.
- Iorga, Nicolae. *Acte și fragmente cu privire la istoria românilor: Vol. 1–2* [Acts and fragments of Romanian history: Vol. 1–2]. București: Imprimeria Statului Publ., 1895–1896. 107 p. (in Romanian).
- Iorga, Nicolae. *Istoria Bisericii românești și a vieții religioase a românilor: Vol. 1* [A History of Romanian Church and religious life of Romanians: Vol. 1]. București: Neamul Românesc Publ., 1908–1909. 472 p. (in Romanian).
- Iorga, Nicolae. *Istoria literaturii române în sec. al XVIII-lea: Vol. I* [A history of Romanian literature in the 18th century: Vol. I]. București: «Didactică și Pedagogică» Publ., 1969. 269 p. (in Romanian).
- Iorga, Nicolae. *Ștefan cel Mare, Mihai Viteazul și Mitropolia Ardealului* [Ștefan cel Mare, Mihai Viteazul and Metropolitan of Transylvania]. București: Institutul de Arte Grafice Publ., 1904. 272 p. (in Romanian).
- Karnoouh, Claude. *Inventarea poporului-națiune. Cronici din România și Europa Orientală 1973–2007* [Invention of people-nation. Chronicles of Romania and Eastern Europe 1973–2007]. Cluj: Refracții Publ., 2011. 365 p. (in Romanian).
- Kirchanov, Maxim Valerievich. *Poeticheskaya depressiya v diskurse chuvashskogo modernizma nachala 1920-h godov* [Poetical depression in discourse of Chuvash modernism in the early 1920s], in *Vestnik VGASU*. 2014. № 2. P. 12–20⁷⁹ (in Russian).

⁷⁹ Курчанов, Максим Валерьевич. Поэтическая депрессия в дискурсе чувашского модернизма начала 1920-х годов // Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2014. № 2. С. 12–20

- Kärchansen, Makčämë. Narrativy vilëm v diskurse chuvashskoi (post)modernoi literatury [Vilëm narratives in discourse of Chuvash (post)modern literature], in *Rossiiskiy zhurnal issledovaniy natsionalizma*. 2015. № 1–2. P. 6–63⁸⁰ (in Russian).
- Kontler, Laszlo. *Searching for Common Grounds: National Identity and Intercultural Research in an East-Central European Context*. Iași: Regio Books and Polirom Publ., 2001. 97 p.
- Laurian, August Treboniu. *Istoria Romaniloru*. Vol. 1–3 [*A History of Romanians*. Vol. 1–3]. Iași: Institutului Albinei Publ., 1853. 1792 p. (in Romanian).
- Laurian, August Treboniu; Massim, Ion. *Dictionariulu limbei romane* [*Dictionary of Romanian language*]. București: Noua typographia a laboratoriloru romani Publ., 1871. 1242 p. (in Romanian).
- Lawrence, Paul. *Naționalismul, istorie și teorie* [*Nationalism, history and theory*]. București: Antet Publ., 2006. 182 p. (in Romanian).
- Lovinescu, Eugen. *Titu Maiorescu și contemporanii lui: V. Alecsandri, M. Eminescu, A. D. Xenopol* [*Titu Maiorescu and his contemporaries: V. Alecsandri, M. Eminescu, A. D. Xenopol*]. București: Casa Școalelor Publ., 1943. 384 p. (in Romanian).
- Maior, Petru. *Istori'a pentru Inceputulu Romaniloru in Daci'a* [*A history of Roman resettlement in Dacia*]. Budapesta – Cherl'a. Budapesta: Cherl'a Publ., 1883. 343 p. (in Romanian).
- Melidon, Radu George. *Istoria națională pentru poporū saū Némul, sapa, arma, casa și mintea Românilor prin tôte timpurile și locurile* [*National history of people, hoes, guns, houses and Roman mind of all times and places*]. București: Tineretului Publ., 1966. 364 p. (in Romanian).
- Moldovan, Ioan Micu. *Istoria Ardealului, pentru scolele poporale* [*A History of Transylvania for school pupils*]. Blasiu: Cu Tipariul Seminarului Publ., 1866. 350 p. (in Romanian).
- Moldovanu-Cenușă, Ioana. Influența franceză în cadrul arhitecturii limbii române. Teoria «relatinizării» sau a «reromanizării» [French influence on architecture of Romanian language. «Re-latinization» and «re-Romanization» theories], in *Philologica Jassyensia*. 2013. No 1. P. 183–194 (in Romanian).
- Murărașu, Dimitru. *Mihai Eminescu, Viața și Opera* [*Mihai Eminescu, life and work*]. București: Eminescu Publ., 1983. 488 p. (in Romanian).
- Mureșan, Camil. *Națiune, naționalism*. Evoluția naționalităților [*Nation and nationalism. Evolution of nationalities*]. Napoca: Fundația Culturală Română Publ., 1996. 308 p. (in Romanian).
- Murgescu, Mirela-Luminița. *Între «bunul creștin» și «bravul român»*. Rolul școlii primare în construirea identității naționale românești (1831–1878) [*From «good Christian» to «brave Romanian»*]. The role of primary school in Romanian national identity construction (1831–1878). Iași: A92 Publ., 1999. 263 p. (in Romanian).
- Nădejde, Ioan; Nădejde-Gesticone, Amelia. *Dicționar Latin-Român* [*Latin-Roman Dictionary*]. Iași: Viața Româniască Publ., 1920. 704 p. (in Romanian).
- Neagoe, Liviu. From «national essence» to «ethnic ontology»: philosophical backgrounds of Romanian nationalism, in *Anuarul Institutului de Istorie «George Barițiu»*. 2010. No XLIX. URL: <https://www.cceol.com/search/article-detail?id=178161>.
- Negoieșcu, Ion. *Poezia lui Eminescu* [*Poetry of Eminescu*]. Iași: Junimea Publ., 1970. 242 p. (in Romanian).
- Netea, Vasile. *De la Petru Maior la Octavian Goga*: Studii și evocări istorice [*From Octavian Goga to Petru Maior: studies and historical evocations*]. București: Cugetarea – Georgescu Delafras Publ., 1944. 342 p. (in Romanian).
- Oprea, Helga-Iuliana. *Relatinizarea limbii române: privire generală: accepții, delimitări, aspecte* [*Relatinization of Romanian language: Overview: meanings, boundaries, issues*]. București: Univ. din București Press, 2011. 331 p. (in Romanian).
- Papadima, Ovidiu. *Octavian Goga*. București: Fundația Regală pentru Literatură și Artă Publ., 1944. 136 p. (in Romanian).
- Piru, Alexandru. *Literatura română veche* [*Old Romanian literature*]. București: Editura pentru literatură Publ., 1962. 136 p. (in Romanian).
- Poantă, Petru. *Poezia lui George Coșbuc* [*Poetry of George Coșbuc*]. Cluj: Dacia Publ., 1976. 150 p. (in Romanian).
- Pompiliu, Eliade. *Influența franceză asupra spiritului public în România* [*French influence on public spirit in Romania*]. București: Univers Publ., 1982. 383 p. (in Romanian).

⁸⁰ Кирчанов, Максим Валерьевич. Нарративы вилëm в дискурсе чувашской (пост)модерной литературы // Российский журнал исследований национализма. 2015. № 1–2. С. 6–63

- Pop, Adrian. *O fenomenologie a gândirii istorice românești*. Teoria și filosofia istoriei de la Hasdeu și Xenopol la Iorga și Blaga [A phenomenology of Romanian historical thought. Theory and history of philosophy from Hașdeu and Xenopol to Iorga and Blaga]. București: All Educational Publ., 1999. 349 p. (in Romanian).
- Pop, Ioan-Aurel. *Geneza medievală a națiunilor moderne* [Medieval genesis of modern nations]. București: Fundația Culturală Române Publ., 1998. 230 p. (in Romanian).
- Popa, Mircea. *Octavian Goga între colectivitate și solitudine* [Octavian Goga between community and solitude]. Cluj: Dacia Publ., 1981. 122 p. (in Romanian).
- Ralea, Mihai. *Fenomenul românesc* [Romanian phenomenon]. București: Albatros Publ., 1997. 91 p. (in Romanian).
- Rosetti, Alexandru; Cazacu, Boris; Onu, Liviu. *Istoria limbii române literare* [A history of Romanian literature language]. București: Univ. din București Press, 1971. 672 p. (in Romanian).
- Rusu, Ioan. *Elemente de istorie a Transilvaniei pentru învețatorii și școalele populare romane* [Fragments of Transylvanian history for secondary schools]. Sibiu: Tipariu și în comisiune la S. Filtsch Publ., 1865. 180 p. (in Romanian).
- Rusu, Mihai. (Hi)story-telling the nation: the narrative construction of Romanianism in the late 19th century, in *Journal of Comparative Research in Anthropology and Sociology*. 2014. Vol. 5. No 1. P. 101–120.
- Sabourin, Paul. *Naționalismele europene* [European nationalisms]. Iași: Institutul European Publ., 1999. 134 p. (in Romanian).
- Said, Edward Wadie. *Orientalism*. Conceptiile occidentale despre Orient [Orientalism. Western concepts of the East]. Timișoara: Amarcord Publ., 2001. 400 p. (in Romanian).
- Sandache, Cristian. *Doctrina național-creștină în România* [National Christian Doctrine in Romania]. București: Paideia Publ., 1997. 150 p. (in Romanian).
- Sbiera, Ion. *O pagină din istoria Bucovinei din 1848–1850: Notițe despre familia Hurmuzachi* [A page from Bucovine history from 1848 to 1850: some notes about Hurmuzachi family]. Cernăuț: Societatea tipografică bucovineană Publ., 1899. 40 p. (in Romanian).
- Scridon, Gavril. *Viața lui George Coșbuc* [The life of George Coșbuc]. Cluj: Centrul de Studii Transilvane Publ., 2003. 302 p. (in Romanian).
- Shulze, Hagen. *Stat și națiune în istoria europeană* [State and nation in European history]. Iași: Polirom Publ., 2003. 352 p. (in Romanian).
- Smith, Anthony. *Naționalism și modernism: un studiu critic al teoriilor recente cu privire la națiune și naționalism* [Nationalism and modernism: a critical review of recent theories of nation and nationalism]. Chișinău: Epigraf Publ., 2002. 278 p. (in Romanian).
- Șuluțiu, Octav. *Introducere în poezia lui George Coșbuc* [Introduction in poetry of George Coșbuc]. București: Minerva Publ., 1970. 187 p. (in Romanian).
- Szilágyi-Gál, Mihály. The Nationality of Reasoning: Autochthonist Understandings of Philosophy in Interwar Romania, in Trencsényi, Balázs; Petrescu, Dragoș (eds). *Nation-building and contested identities: Romanian and Hungarian case-studies*. Budapest; Bucharest: Regio Books Publ., 2001. P. 81–93.
- Tamas, Gaspar Miklos. *Idola Tribus*. Esența morală a sentimentului național [Idola Tribus. Moral essence of national sentiment]. Trad. de M. Tabacu. Cluj-Napoca: Dacia Publ., 2001. 314 p. (in Romanian).
- Thiesse, Anne-Marie. *Crearea identităților naționale în Europa* [Creating of national identities in Europe]. Iași: Polirom Publ., 2000. 224 p. (in Romanian).
- Tocilescu, Grigore. *Istoria română: pentru școlile primare de ambe-sexe* [Romanian history: for primary schools of both sexes]. București: Imprimeria Statului Publ., 1889. 323 p. (in Romanian).
- Tocilescu, Grigore. *Istoria romanilor cu narațiuni, întrebări și resumate: pentru clasa IV-a urbană și a V-a rurală: Cursul superior [Romanian historian narratives, questions and conclusions: for 4th grade of city and 5th grade of village schools]*. București: Librăria Socec & Co Publ., 1896. 143 p. (in Romanian).
- Toma, Gheorghe. *Xenopol despre logica istoriei* [Xenopol about logic of history]. București: Politică Publ., 1971. 250 p. (in Romanian).
- Valea, Lucian. *Pe urmele lui George Coșbuc* [Footsteps of George Coșbuc]. București: Sport-Turism Publ., 1986. 326 p. (in Romanian).
- Vianu, Tudor. *Poezia lui Eminescu* [Poetry of Eminescu]. București: Cartea Românească Publ., 1930. 190 p. (in Romanian).
- Viroli, Maurizio. *Din dragoste de patrie: eseu despre patriotism și naționalism* [The love to Motherland: essay about patriotism and nationalism]. București: Humanitas Publ., 2002. 232 p. (in Romanian).

Xenopol, Alexandru Dimitrie. *Edutes historiques sur les peuples roumains* [*Historical studies in Romanian people*]. București: Tipografia Românească, 1887. (in French).

Xenopol, Alexandru Dimitrie. *Istoria românilor din Dacia-Traiană* [*A history of Romanians from Dacia of Traian*]: Vol. 1. 623 p.; Vol. 2. 590 p.; Vol. 3. 669 p.; Vol. 4. 660 p.; Vol. 5. 770 p.; Vol. 6. 666 p. Iași: Tipolitografia H. Goldner, 1888–1893 (in Romanian).

Xenopol, Alexandru Dimitrie. *Istoria românilor* [*A history of Romanians*]. București: Imprimeria Statului Publ., 1879. 586 p. (in Romanian).

Xenopol, Alexandru Dimitrie. *Istoria românilor: pentru clasele primare de ambe-sexele* [*A History of Romanians: for primary classes of both sexes*]. Iași: Librăria «Școalelor» Frații Șaraga Publ., 1890. 176 p. (in Romanian).

Xenopol, Alexandru Dimitrie. *Războiul dintre Ruși și Turci* [*The war between Russia and Turkey*]. București, 1880. 404 p. (in Romanian).

Xenopol, Alexandru Dimitrie. *Les Roumains. Histoire, état matériel et intellectuel: huit leçons faites au Collège de France* [*Romanians. History, material and intellectual status: eight lectures in College de France*]. Paris: Librairie Ch. Delagrave Publ., 1909. 151 p. (in Romanian).

Zub, Alexandru. *A. D. Xenopol, 1847–1920. Biobibliografie* [*A. D. Xenopol, 1847–1920. Biobibliography*]. București: Enciclopedică Română – Militară Publ., 1973. 694 p. (in Romanian).

Zub, Alexandru. *De la istoria critică la criticism. Istoriografia română la finele secolului XIX și începutul secolului XX* [*Critical history of criticism. Romanian historiography in the late 19th and the early 20th centuries*]. București: Academiei Publ., 1985. 311 p. (in Romanian).

Zub, Alexandru. *De la istoria critică la criticism. Istoriografia română sub semnul modernității* [*Critical history of criticism. Romanian historiography and modernization*]. București: Enciclopedică Publ., 2000. 382 p. (in Romanian).

Zub, Alexandru. *Istoriografia română la vârsta sintezei: A. D. Xenopol* [*Romanian historiography in the age of synthesis: A. D. Xenopol*]. Iași: Institutul European Publ., 2004. 120 p. (in Romanian).